

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Е. А. Гвоздева

Протестный потенциал
и перспективы развития
профсоюзов

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gvozdeva.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ной мере связаны с недостаточным пополнением истраченного в минувшие годы важнейшего ресурса — социального капитала. Как уже отмечалось, уровень одной из его ключевых составляющих — социального доверия — снизился, а точнее упал с 61% в 1999 г. до 34% в 2003 г., что весьма близко к критическому значению, ниже которого возникает проблема социальной интеграции.¹

Социальный капитал обладает важным свойством: его использование может сопровождаться накоплением, приращением. Проблема состоит в характере использования: ведет ли оно к достижению совместных целей или используется эгоистически. Функции доверия весьма широки, «доверие выступает средством гармонизации отношений человека одновременно с миром и с самим собой»². В социальном плане доверие облегчает взаимодействие людей и делает возможным проведение коллективных действий. Именно эти действия, их опыт и успешные результаты наряду с формированием сетевых структур солидарности и сотрудничества ведут к росту социального доверия и способствуют укреплению социального капитала. Однако формализация или бюрократизация отношений, может тормозить и даже разрушать этот процесс.

Восприятие массовых акций как ненужной необходимости, свертывание структур солидарности под предлогом их нерациональности, отказ от сотрудничества между людьми во имя достижения личных, а не совместных целей ведут к ослаблению социального капитала.

Это подтверждают данные о распространении социального доверия в рассмотренных ранее группах. «Рациональные» и «организационные» участники отмечены вдвое более высоким уровнем доверия, чем «традиционные» и «инерционные» члены профсоюза и тем более те, кто в него не входит: 43-45% против 21-25%. Именно представители первых двух групп следят за событиями на предприятии и в горно-металлургическом комплексе, в стране в целом, именно они готовы ценою материальных издержек проявить солидарность с бастующими рабочими другого предприятия (соответственно 58 и 53% каждой группы против 24-30% у других групп); именно они активно участвуют в акциях протеста и собраниях.

Сохранение уровня социального доверия у этих групп наряду с целенаправленными действиями по расширению этих категорий работников позволяет надеяться на изменение ситуации в будущем.

Современное понимание солидарности в России только складывается. Пока лишь меньшинство россиян склонно понимать солидарность как взаимопомощь и сотрудничество в обществе (42%). Почти столь же широко распространено ее понимание как взаимопомощи и сотрудничества в коллективе (33%). Постепенно складывается представление о солидарности как отношении между гражданином и государством. (25%). Это создает условия для сближения государственных, частных и общественных интересов.

Но вне практики солидарных действий любые представления окажутся не просто лишними. При определенных обстоятельствах они могут иметь прямо противоположный эффект, нарушить формирующийся баланс между общественным и частным. Эффективный и наращиваемый социальный капитал должен реализоваться в социальной сплоченности как условия достижения и сохранения политической стабильности и экономического благосостояния России.

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОФСОЮЗОВ

Е.А. Гвоздева

«БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ»

Прогнозная составляющая была обязательным компонентом практически всех исследований и публикаций о рабочем движении в 1990-1993 гг. Волна шахтерских забастовок 1991 г. и радикальные изменения в политической и экономической жизни страны способствовали возникновению утопичных и крайне оптимистических прогнозов развития «рабочей»

¹ См. например: Социальный капитал и социальное расслоение в современной России. / Под редакцией Дж. Л.Твигг и К.Шектер. М.: Альпина Паблишер, 2003.

² Скрипкина Т.П. Психология доверия. М.: Академия, 2000.

идеологии в России и становления профсоюзов как основных институтов организации трудящихся и защиты их прав.

Г.Я. Ракитская считала неизбежным наступление «гегемонии трудящихся», солидаризации профсоюзов и предвещала массовые социальные взрывы и возникновение единого масштабного протестного рабочего движения в ближайшем будущем в России¹. Л.А. Гордон, основываясь на кардинальных переменах в положении рабочих (рост цен, угроза безработицы, обостряющееся столкновение интересов вокруг приватизации, рост непривычных форм социальной дифференциации...) ожидал «нового прилива массовых выступлений рабочих и служащих». Помимо сугубо экономических факторов, известный российский социолог выделял в качестве индикатора развития рабочего движения «массовое формирование новых стачкомов, рабочих комитетов, мелких альтернативных профсоюзов»².

Следует отметить, что протестная деятельность рабочих и служащих в этот период активно освещалась средствами массовой информации, в том числе федеральными газетами и телеканалами.

После достаточно короткого периода функционирования стачкомов, (СТК) советов трудовых коллективов и других форм самоорганизации трудящихся, практически единственным институтом, претендующим на представительство интересов работников, остались профсоюзы.

Исследователи, более детально занимавшиеся изучением профсоюзного движения этого периода, проводили жесткий водораздел между старыми профсоюзами (традиционными — наследниками структуры ВЦСПС) и новыми (альтернативными). При этом основные надежды возлагались именно на альтернативные профсоюзы, так как в начале 90-х годов их функции в наибольшей степени соответствовали западному определению «профсоюзов» как структур, лоббирующих интересы трудящихся, а активные формы протестного движения этого периода возглавлялись в основном альтернативными профсоюзными структурами.

Другие исследователи, рассматривавшие профсоюзные структуры в России как единое целое, не выделяя отдельные сегменты, отмечали значимость данного института в экономическом и социально-политическом развитии страны. Для многих из них развитие профсоюзного движения воспринималось как обязательный атрибут демократического развития и экономического роста государства. «Без массового общественного движения, без развития новых или действительно обновленных профсоюзов невозможен зрелый рынок труда, здоровые социально-трудовые отношения, реальная конкуренция и эффективность. Опыт мирового рабочего и профсоюзного движения показывает, что надежной твердостью руки в защите интересов наемных работников обладают отнюдь не президенты, губернаторы и депутаты. Ею обладают структуры хорошо отлаженного рабочего (общественного) движения»³.

Подобные прогнозы в большинстве случаев основывались на аналогиях с историей развития рабочего движения в западном обществе, попросту транслируя функции и значимость западных профсоюзов на российскую действительность, не учитывая, при этом, два фактора:

1) за рубежом формирование профсоюзов происходило значительно раньше и в совершенно ином экономическом и политическом контексте; возможно, для проведения параллелей несколько более показательным был бы анализ развития профсоюзов в странах постсоветского лагеря, к которому российские исследователи обратились значительно позже — уже в конце 90-х годов;

2) к 1991 г. в России уже существовал вполне оформленный и влиятельный институт профсоюзов, который, правда, выполнял совершенно иные функции и обладал репутацией дополнительного органа контроля на предприятии.

Так или иначе, прогнозы начала 90-х годов несколько отличались друг от друга представлениями о масштабе будущего рабочего движения в России и темпах его развития, но в определении общего вектора развития профсоюзов исследователи были практически единодушны.

¹ Ракитская Г.Я. На пути к собственной идеологии. 2-е изд. М.: Институт перспектив и проблем страны, 2001. С.52.

² Гордон Л.А., Груздева Е.Б., Комаровский В.В. Шахтеры-92. М.: Прогресс-Комплекс, 1993. С.93.

³ Лопатин Л.Н. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. М.: ИМЭМО РАН, 1998. С.605-606.

Первые пессимистические оценки появляются в 1995-1996 гг., когда стихийное рабочее движение, бурно развивавшееся в 1991-1993 гг., столкнулось с необходимостью институционализации и структуризации.

«Спустя пять лет после своего рождения (рабочее) движение не исчезло. Но оно перестало быть «движением». Его массовая база, образованная некоторыми общими политическими целями, единым чувством протеста — и общей надеждой — раздробилась, разочаровалась, потеряла многих сторонников»¹.

«В 1997 г. [время проведения интервью — Е.Г.] рабочего движения не вижу. Есть массовая стихия социального и политического протеста, вовремя подхватываемая профсоюзами»².

С середины 1990-х годов прогнозы развития трудовой демократии в России несколько дифференцируются: все чаще перспективы развития рабочего движения описываются отдельно от перспектив развития профсоюзов. В большинстве случаев это разделение неосознанное и четко не прописанное, но можно утверждать, что с этого момента профсоюзные организации все реже и реже фигурируют в исследованиях в качестве опорных структур развития нового рабочего движения и практически полностью отрываются от идеологического контекста.

Эйфория, вызванная бурным ростом лейбористских инициатив в начале 90-х годов, сменяется некоторым разочарованием профсоюзными организациями в России. Как выясняется, огромная масса уже существующих профсоюзных организаций попросту не готовы взять на себя новые функции, а новые (альтернативные) профсоюзы, возникшие в 90-е годы, пока не способны составить реальную конкуренцию. В то же время надежды на развитие активного протестного движения (возможно, на иной, уже не профсоюзной, основе) все еще существуют.

Многие социологические исследования свидетельствуют о весьма низком уровне доверия к организаторам акций протеста трудовых коллективов — профсоюзам. Более того, по данным опросов Фонда «Общественное мнение», информация о том, что акция носит «профсоюзный» характер, зачастую способствует формированию негативных оценок результатов данной акции у респондентов. И наоборот — итоги тех акций, организацию которых опрошенные не связывают напрямую с профсоюзами, оцениваются респондентами несколько более оптимистично.

К примеру, результаты акции протеста работников бюджетной сферы 2003 г. оценивались выше респондентами, считавшими, что это мероприятие организовали бюджетники, нежели теми, кто полагал, что это — чисто профсоюзная акция³.

В то же время, в будущем (скорее отдаленном, нежели ближайшем), россияне считают вполне вероятным возникновение широкомасштабных акций протеста. Нынешняя ситуация, по их мнению, далека от идеальной, и ее дальнейшее ухудшение неизбежно спровоцирует подобную реакцию.

«У нас пока тишина. Люди еще созревают, потому что нет еще... Но мне кажется, что взорвутся тоже, если цены поднимут, транспорт поднимется».

«Я думаю, сами организуются, когда время придет. Когда до критической точки дойдет то, что не нравится»⁴.

Подобные выступления видятся опрошенным скорее в виде спонтанного народного бунта, нежели спланированных кем-либо (профсоюзами или политическими силами) акций.

Следует отметить, что если в период с 1991 по 2003 г. уровень протестных настроений менялся весьма значительно, то отношение к профсоюзным организациям оставалось прак-

¹ Шаблинский И.Г. Рабочее движение и российская реформа. М., 1995. С.313.

² Лопатин Л.Н. Цит. соч. С.410 (из интервью с А. Колпаковым).

³ См.: Гвоздева Е.А. Отчет «Акция протеста бюджетников: митинговать неэффективно, но нужно». 13.05.2003 г. // www.fom.ru.

⁴ Фонд «Общественное мнение», данные фокус-групп, Новосибирск, Самара, опрос от 20 апреля 2002 г.

тически неизменным: уровень доверия к ним колебался от «низкого» до «очень низкого» и даже в периоды максимальной активизации протестных настроений не превышал 10%¹.

Так, по результатам опроса центра «РОМИР-Мониторинг», проведенного весной 2004 г., профсоюзы, наравне с правоохранительными органами и Советом Федерации, пользуются у граждан России наименьшим доверием (4%).

ПРОФСОЮЗЫ КАК ОРГАНИЗАТОРЫ ПРОТЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Вопреки оптимистичным прогнозам начала 1990-х годов, как свидетельствуют результаты исследований, профсоюзы в целом так и не зарекомендовали себя в качестве реальных защитников интересов трудящихся, координаторов и организаторов протестных действий.

«На самом деле доверия к профсоюзам вообще нет. ... На предприятиях всем понятно, что профсоюзы срослись с администрацией, поэтому к профсоюзам люди и не ходят свои вопросы решать»².

Подобное представление о профсоюзах, как о формальных, малоэффективных структурах, формируется не только в общественном сознании, но также и в административных и политических кругах, куда профсоюзы выносят свои требования.

Так, по свидетельству Е.Гонтмахера, в бытность его начальником департамента социального развития аппарата Правительства РФ, российские профсоюзы в их современном виде играют исключительно негативную роль, искусственно сдерживая необходимые перемены на рынке труда и препятствуя улучшению экономической ситуации. «В советское время профсоюзы были «приводными ремнями партии» и такими же и остались. Если взять их программные документы, то это — ухудшенный вариант правительственных программ... А когда вступаешь с ними в переговоры, то там — полная беспомощность, одни стоны, что народ живет плохо и надо увеличить минимальную зарплату до прожиточного минимума»³.

Кроме того, опыт минувшего десятилетия показал, что тщательно организованные, согласованные и спланированные протестные действия (заявленные как «профсоюзные акции») менее эффективны и эффективны, нежели единичные выступления отдельных трудовых коллективов (воспринимаемые общественным мнением чаще всего как спонтанные, организованные самими работниками).

Так, к концу 90-х годов всероссийские акции протеста ФНПР, общероссийские акции протеста альтернативных профсоюзов и другие широкомасштабные акции профсоюзов начали восприниматься скорее как крупное формальное мероприятие (вроде спартакиады), нежели как массовый протест.

«Профсоюзы вроде бы как организовывали эту акцию, но профсоюзы везде, мне кажется, карманные, поэтому такой серьезной, что ли, ее не назовешь»

«Это же делается профсоюзами обычно... Ну, там выдается разрядка — сколько человек от каждого предприятия должно участвовать»⁴.

С 2000 г. число подобных масштабных акций значительно сократилось, и к 2003 г. они практически полностью были заменены переговорами профлидеров на высшем уровне.

В то же время, на фоне спада популярности общероссийских акций протеста, более заметными становятся единичные выступления трудовых коллективов на отдельных предприятиях — забастовки, пикетирования и голодовки.

Так, среди наиболее запомнившихся российскими гражданами были акции протеста авиадиспетчеров (декабрь 2002 г.) и акция протеста горняков на СУБРе⁵ (осень 2003 г.). (В данном случае мы умышленно отказываемся от упоминания нашумевших «коммунальных»

¹ Исключение составляют результаты исследований, проводимых внутри профсоюзного актива, а также исследования, проводимые самими профсоюзными организациями — как и следовало ожидать, по их оценкам уровень доверия к профсоюзам значительно выше и в ряде случаев достигает 98-99%. См., к примеру, исследование, проведенное Федерацией Профсоюзов Ульяновской области в 2000 г. (АСТИ. Хроника рабочего движения, 2000, №24).

² Фонд «Общественное мнение», экспертный опрос, 7 мая 2003 г.

³ См. материалы круглого стола «Трудовые ресурсы и социальная политика» // Отечественные записки, 2003, №3. С.123.

⁴ Фонд «Общественное мнение», экспертный опрос, 10 марта 2003 г.

⁵ Североуральский бокситовый рудник.

акций протеста, вызванных поднятием тарифов или отсутствием воды и тепла — как в Воронежской или Приморском крае, поскольку последние являются примерами скорее «коммунальной», нежели «трудовой» солидарности). По количеству публикаций в СМИ оба эти события далеко обошли всероссийскую акцию протеста работников бюджетной сферы, проведенную ФНПР в марте 2003 г. Для них были характерны небольшая численность участников, непродолжительность, внезапность и крайне подробное освещение хода и итогов акции в СМИ. Акция протеста авиадиспетчеров, хотя и носила статус «всероссийской», реально на длительное время (больше суток) блокировала работу лишь нескольких аэропортов. На СУБРе в забастовку включились лишь несколько цехов предприятия, причем действия трудового коллектива оказались полной неожиданностью как для центрального, так и для областного руководства профсоюза — акция оказалась в полном смысле слова стихийной.

Акцентирование внимания СМИ на локальных акциях протеста на фоне практически полного отсутствия информации о деятельности профсоюзов в общероссийском масштабе свидетельствует, очевидно, об отсутствии координации между различными уровнями профсоюзных структур в России и о непопулярности профсоюзов как института, лоббирующего интересы трудящихся на федеральном уровне.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРОФСОЮЗОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ «РАБОЧЕЙ ПАРТИИ»

Немаловажной характеристикой роли профсоюзных организаций в современном российском обществе, на наш взгляд, является также их политический статус на федеральном и региональном уровнях. И здесь, очевидно, необходим небольшой экскурс в историю развития взаимоотношений российских профсоюзов с политическими структурами в Государственной Думе РФ.

Первый поверхностный взгляд на нынешний политический потенциал профсоюзных организаций позволяет придти к весьма оптимистичному заключению: за минувшие 10 лет несколько раз сменившийся состав Государственной Думы обогатился значительным числом «профсоюзных» депутатов — представителей как традиционных, так и «альтернативных» профсоюзов.

Профсоюзы с 1991 г., позиционируя себя в качестве структур, лоббирующих интересы трудовых коллективов, представляли собой весьма перспективную и привлекательную аудиторию для политиков на этапе организации предвыборной кампании, что обеспечивало приток «профсоюзных депутатов» Государственную Думу практически всех созывов.

Начало и середина 1990-х годов стали периодом политического самоопределения профсоюзных представителей, и хотя список лейбористских депутатов в ГД претерпел за это время весьма незначительные изменения, их политические пристрастия трансформировались кардинально.

Депутаты, представляющие Федерацию Независимых Профсоюзов России, после кратковременного крена в сторону оппозиции в 1991-1993 гг. и некоторой идеологической неустойчивости в середине 1990-х годов, к концу десятилетия прочно заняли позицию поддержки правящей партии.

Так, во время парламентской избирательной кампании 1995 г. ФНПР создала движение «Профсоюзы России — на выборы». Поначалу участие ПРВ в выборах планировалось в составе «блока Ивана Рыбкина», однако впоследствии движение отказалось от этого намерения и вместе с Российской объединенной промышленной партией учредило избирательный блок «Профсоюзы и промышленники России — Союз труда».

На выборах 1995 г. блок не преодолел 5%-ный барьер, получив 1,55% голосов. И в марте 1996 г. движение «Профсоюзы России — на выборы» было переименовано в «Союз труда»¹. В 1998 г. «Союз труда» стал Общероссийским общественно-политическим движением

¹См. Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М.: Центр прикладных политических исследований ИНДЕМ, 1996.

и на выборах 1999 г. оказал поддержку движению «Отечество — Вся Россия». Стимулом к этому послужили действия коммунистов, предпринявших попытку использовать отчетно-выборную кампанию профсоюзов для смещения неудобных им профлидеров. В результате профсоюзы не только отразили атаку, но и сделали ответный выпад¹.

Кстати, взаимоотношения с КПРФ всегда служили своего рода индикатором протестности профсоюзного электората: если Московская федерация профсоюзов и ЦК отраслевых профсоюзов всегда занимали позицию ближе к мэру и партии власти, то в регионах, в особенности, относящихся к «красному поясу», профсоюзные акции весьма часто проводились под знаменами КПРФ.

В 2002 г. «Союз Труда» и Федерация Независимых Профсоюзов России подписали соглашение о сотрудничестве с «Единой Россией». С мая 2002 г. коллективные акции, организованные ФНПР, были окончательно отмежеваны от акций КПРФ, а профсоюзный электорат — от протестного. Дабы избежать некоторой абсурдности ситуации, когда партия власти официально участвует в организации акций протеста, было принято решение первомайскую и последующие акции ФНПР именовать «акциями солидарности», «праздничными действиями» и т.д.

Политическая позиция альтернативных профсоюзов и их представителей в Государственной думе практически всегда была отлична от позиции ФНПР, но, учитывая незначительное число «альтернативных» профсоюзных депутатов и малочисленность их профсоюзных организаций, серьезного влияния на политическую ситуацию это практически не оказывало.

Таким образом, достаточно широкое представительство «профсоюзных депутатов» в Государственной Думе в течение последнего десятилетия не позволило профсоюзным лидерам выработать единые позиции по основным социально-экономическим вопросам. Наибольшим достижением можно считать создание в Госдуме третьего созыва для лоббирования интересов профсоюзов группы «Солидарность». В нее вошел 21 депутат от фракций «Отечество — Вся Россия», КПРФ и Агропромышленной депутатской группы.

Более того, профсоюзные политические объединения ни разу не участвовали в выборах самостоятельно, предпочитая блокироваться с более влиятельными политическими объединениями.

Выборы 2003 г. в Государственную Думу стали весьма показательными в определении перспектив развития профсоюзов в России: с одной стороны, подавляющее большинство «профсоюзных» депутатов прошлого созыва успешно прошли в Думу и в этот раз. В целом, к категории «профсоюзных» депутатов, сами профсоюзы относят² 1) собственно депутатов, прошедших при активной поддержке профсоюзов, 2) депутатов — бывших профсоюзных работников; 3) депутатов, «сочувствующих» профсоюзам. В целом, исходя из подобной классификации, в нынешнем созыве Государственной Думы число «профсоюзных депутатов» весьма значительно — 45 человек. Причем только половина из них, по самым оптимистическим прогнозам, войдет в состав межфракционной группы «Солидарность». Таким образом, можно говорить о том, что в Государственной Думе на данный момент прочно закрепился определенный состав «лейбористов», члены которого при этом не объединены единой политической ориентацией и имеют совершенно разные взгляды на социальное законодательство.

Кроме того, если предыдущие «выборные» годы сопровождались неизменным ростом протестной активности на региональном и федеральном уровне, а требования бастующих обязательно принимали политический характер, то 2003 г. не был отмечен практически ни одной широкомасштабной акцией протеста, а непосредственно предвыборный период прошел в небывалом спокойствии и умиротворении.

Подобное «затишье» можно трактовать, с одной стороны, как достижение определенной согласованности в действиях профсоюзов и политических структур и определении приоритетных направлений совместной деятельности и, с другой стороны, как признак стагнации в развитии лейбористских движений в России.

¹ См.: «КПРФ решила возродить митинговую стихию масс» // Независимая газета, 21.04.2000.

² Профсоюзные депутаты новой Думы // Солидарность, 2004, №1 (14.01.04).

Несмотря на более чем 10-летний период модернизации института профсоюза и освоения новой для российских трудовых коллективов деятельности — забастовочной активности, следует отметить, что уровень популярности профсоюзов «в народе» вырос весьма незначительно. Если в советское время он подкреплялся административными полномочиями профсоюзных организаций на предприятиях, то ныне, для новых поколений, которые не успели столкнуться с социальными «профсоюзными благами» в виде путевок в санатории, новогодних елок и спортивных баз, рейтинг профсоюзов близок к нулю.

В то же время, сами профсоюзные организации за этот период претерпели значительные изменения. Но данные трансформации коснулись скорее организационной структуры профсоюзов, нежели их реальных функций.

Если сумбурность акций начала 90-х годов во многом списывалась на юридическую неграмотность профсоюзов, отсутствие разработанных механизмов протестных действий и, в первую очередь, отсутствие соответствующего опыта, то 10 лет спустя можно утверждать, что профсоюзы отшлифовали свои навыки главным образом в ведении трехсторонних переговоров на высшем уровне и практически не изменили свою деятельность на местах.

По-прежнему, в представлении большинства россиян (в том числе и являющихся членами профсоюзов), профсоюз — это организация для выдачи льгот, пособий и других социальных благ. А сами профсоюзные лидеры на предприятиях в большинстве случаев в системе приоритетов ставят мнение руководства значительно выше мнения трудового коллектива.

По сути дела, на большинстве российских предприятий в настоящий момент взаимоотношения администрации и профсоюзной организации строятся на принципах взаимопомощи. *“Не должно быть противостояния, где-то надо и помочь администрации — в этом роль профсоюза”*. Профсоюз не вмешивается в дела администрации, за это администрация предоставляет дополнительные социальные гарантии, которые реализуются через профсоюз. *“Профсоюз занимается социальными вещами. Можно сказать, что это служба персонала. Это то же самое, просто профсоюз привычнее как-то”*¹.

Причем чаще всего подобное положение дел вполне нормально воспринимается и самими работниками, для которых руководитель является в первую очередь членом трудового коллектива. Оппоненты, в этом случае, оказываются значительно выше — на уровне региональных или федеральных властей.

Заметим, что подобная корпоративная солидарность и вынесение проблемы за рамки предприятия характерна как для большинства забастовок начала и середины 90-х годов, так и для недавних акций протеста.

Подтверждением тому является значительное количество забастовок с политическими требованиями, забастовок солидарности и забастовок против смены собственника, когда трудовой коллектив, при согласии администрации (а в ряде случаев и под ее непосредственным руководством), инициировал акцию протеста с требованиями в адрес региональной или федеральной власти.

Протест, отмечает Ю.А. Левада, «чаще всего направлен не против конкретных владельцев и конкретных экономических условий производства на данном предприятии, в данной отрасли, а против «власти» и ее «экономической политики». С требованием выплатить задолженность по зарплате протестующие обращаются к правительству страны, реже — к губернатору, еще реже — к руководству предприятием. Поэтому и сам протест, независимо от того, кем непосредственно он организован (профсоюзом, стачкомом) нередко выражает не столько конфликт между работниками и работодателем, сколько претензии отраслевых лобби (работников и дирекции вместе взятых) к госбюджету»².

¹ Петрова Л.Е. Как умирают советские профсоюзы. Приводятся цитаты из интервью, выполненных в ряде проектов Института сравнительных исследований трудовых отношений (г. Москва, рук. — В. Борисов, П. Бизюков, С. Кларк).

² См.: Левада Ю. Человек недовольный: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 6.

В подобной ситуации, если экономическое положение работников не будет кардинально ухудшаться, их солидаризация по профессиональному признаку и развитие организованного рабочего (протестного) движения под руководством профсоюзов, партий или иных сил, вопреки прогнозам начала 1990-х годов, в ближайшее время представляется маловероятным.